

Фелицына. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1880. Отдел III.

30. Памятная книжка Кубанской области издан. 1881 года / Сост. Е.Д. Фелицын. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1881. Отдел III.

31. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1857. Т. XI. Ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий.

32. Brudzisz, M. Stan diecezji tyraspolskiej pod koniec XIX wieku i jej odrodzenie na początku XX wieku. *Misje ludowe // Studia Polonijne*. Lublin, 2007. Т. 28.

33. Chmielecki T.T. *Gruziński katolicyzm w XIX i na początku XX wieku w świetle archiwów watykańskich*. Toruń, 1998.

34. *Giornale di Roma*. 17.01.1850. № 14.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД

КВО – Кавказский военный округ

Комитет – Комитет для сбора пожертвований на сооружение римско-католической церкви в г. Екатеринодаре

р.-к. – римско-католическая (-ий)

БЕЛОРУССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

BELARUSIAN ORGANIZATIONS ON STATE SELF- DETERMINATION IN SPRING 1917

Н.Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет,

г. Минск, Беларусь

N.Ye. Semenchik

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье представлены результаты исследования первого опыта белорусских организаций по выработке и осуществлению форм государственного самоопределения Беларуси. Показаны основные участники белорусского движения и результаты их деятельности в этом вопросе к лету 1917 года.

Abstract: The article presents the results of a study of the first experience of Belarusian organizations in the development and implementation of forms of state self-determination in Belarus. The main participants in the Belarusian movement and the results of their activities in this matter by the summer of 1917 are shown.

Ключевые слова: Февральская революция, национальное движение, белорусские организации, государственное самоопределение, автономия, национальная школа, Белорусская социалистическая громада.

Keywords: February revolution, national movement, Belarusian organizations, State self-determination, autonomy, national school, Belarusian socialist gromada.

К 1917 году захват германцами западных губерний Российской империи, помимо прочего, заметно активизировал национальную жизнь в среде местного населения. Так, белорусы оккупированной Виленщины и Гродненщины создавали школы, культурные учреждения и даже с ведома захватчиков предпринимали попытки воссоздания Великого княжества Литовского. Жизнедеятельность же белорусов Витебской, Минской и Могилёвской губерний была подчинена имперским задачам обороны страны и своих национальных интересов не проявляла. Крестьянское население в своей массе было неграмотным и аполитичным и развитым национальным самосознанием не обладало. Небольшое число интеллигентов из народа, дворян из бывшей шляхты, священников, чиновников и других лиц, осознававших принадлежность к белорусам, терялось среди русских и поляков и не имело четких представлений о будущем своего этноса. Дело усложнялось тем, что ни русские, ни поляки в своей массе не разделяли мнения о том, что белорусы – это самобытный народ. Даже в списках беженцев они, как правило, учитывались в одной графе с русскими или с литовцами, или не учитывались вообще [4]. С осени 1915 г. единственным центром их национальной жизни в неоккупированной части Беларуси стало Минское отделение Белорусского общества помощи жертвам войны во главе с Р. Скирмунтом. Именно, здесь 6 марта 1917 г. состоялся первый, по случаю Февральской революции белорусский митинг [9]. В течение нескольких дней в здании упомянутого общества разместился комитет возрожденной партии – Белорусской социалистической громады (БСГ) во главе с А. Смоличем.

12 марта в Минске в рамках «Дня белорусского значка» состоялся митинг, на котором впервые после революции было публично заявлено о необходимости «краевой автономии» [10]. Дальнейшая активность белорусских деятелей была обусловлена национальной политикой Временного правительства, устранившего религиозные и национальные ограничения, которые с особым энтузиазмом были встречены населением Беларуси. В итоге все национальные движения стали составной частью революционного обновления России на пути к обретению государственности всех ее народов, в том числе и белорусов.

Первые успехи белорусского движения сделали возможным созыв съезда национальных организаций с целью выработки общей политической программы действий. Его работа началась 25 марта с участием почти 150 делегатов от белорусских партий, обществ,

Петроградского и Минского Советов. В качестве гостей присутствовали представители губернской власти.

В принятой Декларации делегаты съезда приветствовали великую российскую революцию, которая, по их словам, принесла им «свободу и близость автономии Беларуси», и связывали свою дальнейшую судьбу с демократическими преобразованиями в крае. Делегаты заявили также о необходимости школьной реформы на «основах, отвечающим требованиям национального белорусского просвещения».

Избранному съездом Белорусскому национальному комитету (БНК) под председательством Р. Скирмунта поручалось осуществление принятых постановлений и подготовка к выборам высшего органа власти в Беларуси – Краевой Рады.

Предполагалось, что Беларусь останется в составе Российской федеративной республики, а окончательное решение о форме государственного самоопределения Беларуси примет Учредительное собрание. Делегаты съезда выразили надежду на признание Временным правительством этого решения законным и по этому поводу направили в Петроград специальную делегацию.

Но белорусские лозунги, в отличие от еврейских или польских, не получили ожидаемой моральной и политической поддержки со стороны общественности и новой власти. Еще 25 марта, на первом заседании Белорусского съезда обсуждаемые проблемы некоторым приглашенным показались искусственными и несвоевременными. В числе недовольных оказался и помощник губернского комиссара И. Метлин, который заявил о том, будто белорусское движение «не естественно, поскольку под ним нет твердого фундамента народных низов». По его убеждению, вместо национального вопроса необходимо было объединять все демократические силы для упрочения завоеваний революции и скорейшего созыва Учредительного собрания [16].

Итоги Белорусского съезда (25–27 марта) вызвали резкое недовольство определенных общественных кругов, прежде всего, эсеров, претендовавших на политическое лидерство среди трудящихся региона. Созданный ими при участии белорусских деятелей Комитет пропаганды и занимавшийся подготовкой Краевого съезда без объяснения причин разорвал с ними всякие отношения. 6 апреля Минский комитет Крестьянского союза издал постановление с обвинениями БНК в национализме, стремлении подчинить местных рабочих и крестьян помещичьему руководству и тем отделить их от остальных трудящихся России [11]. Хотя на завтра БНК выступил с опровержением упомянутых обвинений [5], но они продолжали множиться и распространяться по

всей Беларуси.

Не удивительно поэтому, что деятельность БНК и БСГ настроила против себя иные, общественно-политические группировки. В мае к их числу присоединился Белорусский народный союз, который возник в Витебске. По своему составу он походил на церковно-чиновничье сообщество, а по идейно-политической ориентации – на сборище демократизированных монархистов [3].

Но куда более ощутимыми и болезненными для белорусского движения оказались нападки из родственного ему стана «революционной демократии», представленного Советами крестьянских депутатов, а также «осколками империи» в виде учителей и чиновничества. Так, в апреле в Гомеле на платформе «неразрывного союза Беларуси с демократической Россией» возникла организация – Союз белорусской демократии (СБД). Главная роль в ней возлагалась на учителей. Их кредо – «белорусская демократия будет всячески противодействовать стремлению части белорусов к автономии» – способствовало, помимо прочего, усилению негативного общественного мнения относительно деятельности БНК.

Антибелорусские настроения преобладали также на съезде 1200 учителей Минской губернии, особенно во время обсуждения «белорусского вопроса», когда подавляющим большинством голосов была принята резолюция, обосновывавшая необходимость обучения в местных школах на русском языке, а лучшей формой политического устройства Беларуси признавала Областное земское самоуправление в составе России. Специальным постановлением было решено направить резолюцию съезда в адрес Временного правительства. В свою очередь БНК, вместо ожидаемой поддержки со стороны губернского союза учителей, получил в его лице еще одного политического оппонента [2].

Относительно спокойно и плодотворно действовал только созданный в Могилёве Белорусский комитет во главе с М. Кохановичем [13]. Хотя и здесь в местной прессе время от времени появлялись материалы, направленные против белорусского движения, но его представители не подвергались таким необоснованным обвинениям в национализме, сепаратизме, какие звучали в Минске в адрес белорусских деятелей.

Работники различных учреждений Всероссийских городского и земского союзов, по партийной принадлежности – эсеры, энесы, большевики, обеспокоенные программой БНК по преобразованиям в Беларуси, мешали его представителям осуществлять задуманное под предлогом борьбы против национализма, помещичьих интриг и т. д. Им,

в частности, удалось сорвать проведение уже намеченного Краевого крестьянского съезда, а взамен его 20 апреля созвать «свой» с участием делегатов от Минской и Виленской губерний. Попытки приглашенных представителей от БНК (П. Алексюк), от БСГ (А. Смолич) и других произнести приветственные речи на белорусском языке встретили неприязнь со стороны «хозяев» [6]. Высказанное гостями предложение обсудить вопросы национального и культурного развития среди крестьян также не нашло поддержки президиума. Его члены, одержимые идеей объединения крестьянства по классовому признаку, отвергли все резолюции Белорусского съезда, в том числе о национальной автономии, Краевой Раде, реформе школы и др. Кроме того, съезд выразил категорический протест против всех обращений Белорусского национального комитета к Временному правительству [14].

В результате организаторы съезда, используя идейно-политическую неразборчивость самих крестьян, основательно дискредитировали своих политических конкурентов из белорусского лагеря. В частности, председатель съезда

М. Фрунзе в своей заключительной речи подтвердил слух о том, «что даже Белорусское социалистическая громада работает под влиянием помещиков» [7].

В связи с этим один из его лидеров П. Алексюк отметил преимущество великодержавной политики в методах деятельности тех, кто называл себя «революционной демократией». «Эти «демократы», – писал автор, – привлекают наши крестьянские массы и своими демагогическими выкриками сеют на время раздор между народом и интеллигенцией» [8].

Вскоре резолюции съезда по национальному вопросу были разосланы по местным изданиям. «Съезд признал право народностей края на национально-культурное самоопределение и высказался против автономии Белоруссии, – говорилось в одном из них, – считая важным и необходимым ее целостность и неразрывность с Россией с предоставлением широкого областного самоуправления и демократического устройства» [1].

Разумеется, что подрывной работе недругов и должен был быть противопоставлен свой, белорусский агитационно-пропагандистский инструментарий. Важным шагом в этом отношении обещал стать выход в Минске 1 мая газеты БСГ «Громада» на родном языке. Но рост рядов самой партии был еще невелик и наблюдался главным образом в Москве и Петрограде. Так что членам БНК приходилось в одиночку отстаивать честь своего национального центра нападки политических оппонентов как «слева», со стороны «революционной демократии», так и «справа»,

со стороны шовинистов, бывших монархистов и т. д.

Так, БНК на своем заседании 14 мая счел необходимым более подробно разъяснить свою политику в отношении будущих и нынешних форм связей между Беларусью и Россией, в отношении аграрного вопроса, а также войны. Пять из шести пунктов Декларации полностью соответствовали политике Временного правительства, Петроградского Совета и социалистических партий России. Лишь пункт 4 был отмечен заявлением о необходимости «национализации школы». Но этот и все остальные пункты, даже с упоминанием белорусской автономии, были представлены уже не как требования, а лишь как мнение съезда. Кроме того, это «мнение» сопровождалось энергичным заверением в неразрывной связи с Россией и осуждением тех провокаторов, которые от имени БНК попытаются присоединить Беларусь к Польше или другому государству [12].

Между тем развитие белорусского движения не прекращалось и даже принимало новые формы. Возможно, что к нему стали присоединяться новые участники, разуверившиеся в решении их проблем силами БСГ или БНК. Так, 15–16 мая в Минске состоялось организационное собрание новой Белорусской народной партии социалистов (БНПС) во главе с учителем реального училища Я. Сушинским. Новая партия провозгласила главной целью своей деятельности «возрождение белорусской культуры и всестороннее развитие белорусской национальной жизни на основе интересов трудящихся». Этой цели было подчинено стремление к белорусизации школы. Выступая за создание федеративно-демократической Российской республики, партия выступала за предоставление Беларуси автономии с законодательным органом – Белорусским областным советом [15].

В мае в Петрограде была основана партия «Белорусская христианская демократия» (БХД), разделявшая платформу БНК. Будучи сторонниками мирных, ненасильственных способов решения национальных проблем, христианские демократы выступали за объединение всего белорусского народа в лоне «одной веры с разными обрядами». 24–25 мая на своем съезде в Минске духовенство БХД высказалось за белорусизацию церкви.

Появление в белорусском движении новых общественно-политических течений подсказывало способ его значительного усиления и повышения авторитета – через объединения всех в интересах белорусского дела, независимо от их социальной, конфессиональной, партийной и т. д. принадлежности. Вдохновителем и организатором этого пути стал печатный орган БНК – «Вольная Беларусь». Уже в

первом номере газеты от 28 мая ее редактор И. Лёсик в обращении к читателям обрисовал форму государственного устройства Беларуси и призвал избирать в Учредительное собрание в первую очередь тех, кто будет уважать белорусов и их язык, «кто будет твердо, до самой смерти, стоять за землю и волю народа, за культурно- национальное возрождение Беларуси, кто будет стоять за демократическую республику Государства Российского на федеративном фундаменте».

Таким образом, к началу лета 1917 г. важнейшим достижением белорусского движения следует считать избрание единого национального центра – БНК и провозглашение им программы действий по осуществлению общенародных задач в виде обретения автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики, формирования высшего органа власти в виде Краевой Рады, создания системы образования на белорусском языке. На примере еврейской и польской общественности Беларуси руководство БНК было вправе рассчитывать на поддержку своих лозунгов со стороны государственных и общественно-политических структур, но не получили ее, а наоборот – подверглись клеветнической кампании в свой адрес со стороны местных деятелей с обвинениями в национализме, сепаратизме, превышении полномочий и др.

Следует отметить, что недоброжелателям из числа «революционной демократии» был дан повод – избрание председателем БНК бывшего члена Государственной думы, крупного землевладельца А. Скирмунта. Даже после его отстранения и замещения П. Алексюком нападки не прекращались. Поэтому на этом этапе движения к государственности национальное руководство не могло не осознать того факта, что основная его опора – не «революционная демократия», не чиновники Временного правительства, не Советы, а главным образом собственный народ, без социальных, партийных, конфессиональных и др. различий. Обстановка требовала активизации агитационно-пропагандистской работы среди крестьянства и фронтовиков, формирования национального сообщества учителей и усиления сотрудничества с беженскими организациями белорусов в России для того, чтобы общими усилиями путем демократических выборов завоевать большинство в городских думах, земских собраниях и направить своих представителей в Учредительное собрание для участия в окончательном решении общероссийских и белорусских задач.

Библиографический список

1. Вестник X армии. 1917. 28 апр.
2. Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 28 мая.

3. Витебская социал-демократическая газета. 1917. 30 мая.
4. Витебский вестник. 1917. 7 фев.
5. Минская газета. 1917. 7 апр.
6. Минская газета. 1917. 22 апр.
7. Минская газета. 1917. 27 апр.
8. Минская газета. 1917. 1 мая.
9. Минский голос. 1917. 11 мар.
10. Минский голос. 1917. 14 мар.
11. Минский голос. 1917. 6 апр.
12. Молот. 1917. 3 июля.
13. НА РБ (Нац. арх. Республики Беларусь). Ф. 60. Оп. 3. Д. 168. Л.107.
14. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 242. Л. 115.
15. НА РБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
16. Пратакол з'езду беларускіх нацыянальных арганізацый //Спадчына. 1990. № 4. С. 30.

ХАРАКТЕР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ 2020-Х ГОДОВ)

THE NATURE OF THE ETHNOCULTURAL NEEDS OF THE POPULATION (USING THE EXAMPLE OF KALMYKIA IN THE 2020-S)

Л.В. Намруева

КалмГУ, г. Элиста, Россия

L. Namrueva

KalmSU, Elista, Russia

Аннотация: В данной статье рассмотрено, каким образом осуществляется деятельность по реализации этнокультурных потребностей и интересов населения в Республике Калмыкия. Вопрос удовлетворения потребностей этнической общности в сфере культуры и искусства всегда являлся и остается наиболее острой и актуальной проблемой культурной политики не только в Республике Калмыкия, но и во всех мультиэтнических субъектах нашей страны.

Abstract: This article examines how activities are carried out to realize the ethnocultural needs and interests of the population in the Republic of Kalmykia. The issue of meeting the needs of the ethnic community in the field of culture and art has always been and remains the most acute and urgent problem of cultural policy not only in the Republic of Kalmykia, but also in all multiethnic subjects of our country.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, калмыцкий этнос, этнокультурные потребности, этнос, этническое искусство, этнокультурные элементы, этническое самосознание, культурно-досуговые учреждения

Keywords: Republic of Kalmykia, Kalmyk ethnos, ethnocultural needs, ethnos, ethnic art, ethnocultural elements, ethnic identity, cultural and leisure institutions